

Юлия Александровна Зонис
Скользющий по лезвию
Серия «Время Химеры», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6890988
Юлия Зонис. Скользящий по лезвию: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-083496-9*

Аннотация

Первые дни после «Дня Химеры», биогенной катастрофы, в результате которой из лаборатории вырываются опасные виды животных-химер... Соки, студентка бостонского колледжа, едет через полстраны к своему деду, шаману племени лакота. Ее попутчик бежит от полиции после неудачного покушения на предполагаемую виновницу катастрофы. А еще он таинственно связан с компьютерами, слышит Голоса из будущего и направляется в Небраску, чтобы узнать тайну своего прошлого. Чем завершится их путешествие по стране, охваченной паникой и предчувствием надвигающейся гибели? Ученые и военные, андроиды и существа из древних легенд... Новый мир зарождается, но найдется ли в нем место человечеству?

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Юлия Зонис

СКОЛЬЗЯЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ

Дарксиду, без которого все было бы куда хуже

*Так идет веселый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.*

*По Тюрингии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.
Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеется невзначай?
Эдуард Багрицкий. Птицелов
Не преклонив колен и не склонив главу,
не погружаясь в глубь себя, ни в синеву
морскую ли, небесную, не веря
ни вышнему, ни ближнему, назло
кондуктору, ни в зверя, ни в число,
обозначающее Зверя, —*

*так прожил он все худшие года,
и лучшие, не ведая стыда,
вины и – страшно молвить – страха.
И нет креста, чтобы его нести.
И нет души, чтобы ее спасти.
Есть горстка праха.*

Борис Херсонский

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Юлия Зонис, биолог по специальности (биофак МГУ, обучение в Израиле, стажировка в Лондоне, работа в Торонто), считается одной из главных надежд современной фантастики. От ее прозы захватывает дух и у эстетов, ценителей «цветной волны», и у продвинутых почитателей научной фантастики, и у страстных поклонников постапокалиптики.

Завораживающий и страшный цикл «Время Химеры», в который вошли романы «Геном Пандоры», «Биохакер» и «Скользящий по лезвию», отмечен премиями «Интерпрескон» и «Созвездие Аю-Даг».

Итак, какой же он – мир после биогенной катастрофы?

Ученые и военные, андроиды и существа из древних легенд... Новый мир зарождается, но найдется ли в нем место человечеству?

Пролог

Июль 2036-го. Телефонный разговор, который никогда не был записан

– ...Грегори, вы поступаете неверно. Если использовать вашу терминологию, вы стреляете из пистолета алмазными пулями. Даже нет. Вы стреляете «Мадоннами» Рафаэля и партитурами Моцарта.

– Перестаньте нести эти благоглупости, Харпер.

– Я уже восемнадцать лет твержу вам, что мои пациенты – не расходный материал. Вы сцепились в рычаг управления и не хотите понять...

– Я понимаю, что мог бы убраться от вас.

– Не угрожайте мне, Грегори. Я пытаюсь предупредить вас. Пытаюсь спасти.

– Мне ничего не грозит. Если вы о том детективе из Большого Яблока, то пусть и дальше роет землю...

– Детектив тут ни при чем. Я возражал, когда вы в своих утилитарных целях использовали других пациентов. Однако я готов был смириться. Вы сильнее, Грегори. Повторяю, у вас все рычаги...

– Хватит парить мне мозг вашей психологической хренью.

– Хорошо. Тогда я скажу предельно ясно – использовать Ричарда для убийств нельзя.

– Вы что, охренели, доктор? А если это кто-то услышит?

– Вам же ничего не грозит, Грегори.

– Вы смеетесь надо мной?

– Ни в коей мере. Смеяться над психотиком крайне опасно...

– Что вы сейчас сказали?

– Это не насмешка, Грегори, а констатация факта. Ваша психика была нестабильна еще до операции. После иммортализации девяносто процентов пациентов становятся жертвами того или иного психоза... Но речь сейчас не о вас, а о Ричарде. Его использовать нельзя.

– Вы можете объяснить, почему я до сих пор слушаю ваши бредни?

– Потому что в глубине души вы осознаете, что я прав. Операция Ричарда была проведена некорректно. Результат нестабилен. В отличие от других пациентов он способен сохранять контроль. Вы сами убедились в этом четверть века назад.

– Он поджег конюшню.

– Не смешите меня, Грегори. Не пытайтесь убедить в том, что вы приказали ему поджечь конюшню. Что вы на самом деле велели ему сделать?

– Да пошел ты на хрен, долбоклой вонючий!

[Конец записи]

Часть первая Соки. Сентябрь 2036-го

Глава 1 Автостопщица

Соки стояла на заправке в западном конце Тремонт-стрит у выезда на шоссе 90. А если сказать точнее, не стояла, а топталась на месте, потому что сентябрь в этом году выдался неожиданно мокрым и промозглым. На календаре было всего пятнадцатое число, но дожди как зарядили неделю назад, так и лили с редкими перерывами. От непогоды Соки защищали только растянутый университетский свитер с капюшоном, рваные джинсы и кеды. Свитер принадлежал еще недавно Парню из Милуоки. Парень из Милуоки, один из двух парней Соки и причина ее поспешного отъезда, играл за баскетбольную команду «Гарвард Кримсон». Очень большая шишка во всех смыслах – богатенькие предки из «иммортелей», рост хорошо за шесть футов, голубые глаза и сверкающая улыбка. Другие девчонки из государственного колледжа отдали бы за такого душу, а если бы души не хватило, приплатили бы десятью годами жизни. Все равно, заделавшись подружкой «иммортеля», ты почти обеспечивала себе пропуск в рай. Десять лет туда, десять обратно – какая разница для Бессмертных? Проблема Соки заключалась в том, что Парень из Милуоки был только вторым. Первым был Джим О'Неро, Парень из Прачечной. Он не учился в Гарварде и играл в баскетбол только на дворовой площадке вместе с остальными чернокожими ребятами из их района. Как метко выразилась бабушка Соки, всезнающая Дебора Вачински, «женщин из нашей семьи вечно тянет на всякую цветную шваль».

Наверное, родители Парня из Милуоки в обморок бы грохнулись, услышав такое признание. Они, Бессмертные, всегда старались держаться подчеркнуто вежливо, будто все их слова записывались для полицейского протокола. А может, так и было. Но Соки-то знала, что Ба не имела в виду ничего плохого. В сущности, она говорила о себе, потому что первой из женщин их семьи связалась с цветной швалью.

Дебора Вачински, в девичестве О'Лири, а по первому мужу – Рейнольдс, служила медсестрой в резервации у Черных Холмов, в Южной Дакоте. Там она повстречалась с Джоном Рейнольдсом, индейцем из племени лакота. В те времена мистер Рейнольдс работал слесарем, хотя вообще-то был профессиональным шаманом, «вичаша вакан» на языке сиу, и звали его по-настоящему Кричащий Бык. Когда-то предки Кричащего Быка воевали за эти скалы с армией США и даже победили, но все равно почему-то очутились в резервации. Только недавно, пятнадцать лет назад, индейцы отстаивали независимость и провозгласили Республику Лакота, но тогда Ба уже не жила там и вообще сменила фамилию на Вачински. Бабушка бросила индейского мужа, переехала в Массачусетс и вышла замуж за владельца автомойки Герберта Вачински. Но ее старшая дочь, Майя, была наполовину индианкой, и фамилия у нее осталась отцовская, Рейнольдс. Майя Рейнольдс, избежав общей женской участи их рода, выбрала в мужья вполне благопристойного Джека Кастера, торговавшего упаковочными материалами. Однако ее дочке досталась дедовская фамилия, потому что Ба вдруг, ни с того ни с сего, закатила истерику: с какой это стати у внучки Кричащего Быка будет фамилия американского генерала, пролившего немало индейской крови у Черных Холмов?

Соки Рейнольдс никогда не видела деда, не знала его и даже по телефону не разговаривала, потому что индейцы Лакота, провозгласив независимость, принципиально не пользо-

вались современной техникой. Соки считала, что это довольно глупо, ведь бизоны-тхатханка давно уже не бродили стадами по Великим Равнинам. Наверняка индейцы покупали еду в супермаркетах, как все нормальные люди. Или нет? В общем, именно это ей и предстояло выяснить.

Дело в том, что все лето Соки металась между Парнем из Милуоки и Парнем из Прачечной. Парень из Милуоки, как и все эти задаваки-«иммортели», делал вид, будто ничего не замечает. Парень из Прачечной грозился пристрелить Парня из Милуоки, а затем Соки, а затем себя. Ну, или в обратном порядке, хотя на это Соки справедливо замечала, что вряд ли тогда ему удастся осуществить остальные два пункта программы. И все же чернокожий Джим О'Неро нравился ей больше. Для гарвардского игрока она сама была только игрушкой – очень симпатичной игрушкой с тощими вороними косичками, переплетенными бисером, острым лисьим личиком и бабкиными глазищами цвета голубики. Обезьянка. Вечно смеющийся клоун. А для Джима она была своя, выросшая через три квартала, на узкой захлавленной улице – в одном конце застройки для черных, в другом, более приличном, разошедшиеся коттеджи местных аристократов. Джим плясал, как она, пел, как она, играл в мяч, как она, и трахался, как она, быстро и неистово. Только в колледж не пошел. Толку от этого государственного образования все равно ноль, бурчал Джим, зачем зря время терять.

Однако время Соки теряла, мечась между этим и тем, в результате так и не успела сделать заданную на лето работу по американской истории. Хорошо еще, что гарвардские профессора, как всегда перед новым учебным годом, объявили забастовку, и коллеги из университетов и школ победнее их поддержали. Начало семестра перенесли на октябрь. И Соки решила убить двух куропаток одним выстрелом: во-первых, оставить позади Джима с его угрозами и Парня из Милуоки с его укоризненными взглядами, а во-вторых, лично познакомиться с американской историей. Из первых рук. Из рук дедушки-шамана.

И вот ранним сентябрьским утром она мерзла на заправке, надеясь поймать попутную тачку. Конечно, можно было наскрести денег на автобус, не вопрос. Но, отправляясь в приключение – а поездка в резервацию у священных Черных Холмов, к собственным истокам, это, конечно, самое настоящее приключение, – нельзя действовать обычными методами. Значит, попутка, едущая на запад. Если повезет, подбросят до Олбани. Или даже Нью-Йорка. А там поглядим.

Соки снова дунула на замерзшие пальцы, постучала кедом о кед и оглянулась через плечо на «Данкен Донатс», прикидывая, не купить ли еще кофе. Почему-то машин на дороге почти не было. А те, что были, пролетали мимо заправки, явно превышая скорость. Странно, что над дорогой еще не роились полицейские флаеры. Соки опять оглянулась на широкую витрину закулочной. Там мерцал голографический экран. Под ним столпились несколько человек. Новости. Диктор что-то сосредоточенно говорил, внизу по экрану бежала красная полоса. Авария? Теракт? Может, шоссе перекрыто? В последнее время фанатики из «Чистого мира» совсем распоясались, взрывая бомбы чуть ли не у штаб-квартиры ООН на Манхэттене. Неужели и в Бостоне что-то грохнуло? Нахмурившись, Соки сунула руки в карманы свитера, ссутулилась и уже двинулась к закулочной, когда сзади раздался автомобильный гудок.

Девушка резко крутанулась на месте. Ей сигналил старый «Форд»-гибрид: облупленная красная краска, широкий капот, за рулем мужик с выгоревшей русой шевелюрой, в ковбойской куртке. Соки подхватила валявшийся у ног рюкзачок и шагнула к машине. От «Форда» несло бензином и разогретым железом. Студентка сморщила нос – большинство горожан сейчас ездили на биотопливе. Нефтяные компании постепенно сдавали позиции под давлением «альтернативщиков», и только в глубинке народ предпочитал старые добрые двигатели внутреннего сгорания. Значит, тачка либо реально древняя, из семидесятых годов прошлого века, либо очень дорогая и очень точная копия. Что за странный тип?

Странный тип распахнул дверцу. В бледном свете утра его хищное лицо с резкими чертами казалось осунувшимся и каким-то нездоровым. Под серо-голубыми глазами залегли круги. Щеки, подбородок и шея с выступающим кадыком заросли рыжеватой щетиной. Нет, очень, очень подозрительный тип.

– Куда собралась? – спросил он, повернув голову и смерив ее равнодушным взглядом.

Мужчина жевал жвачку. Из салона «Форда» тянуло кожей, машинным маслом и чуть-чуть лошадыми. На джинсах незнакомца красовались плохо отстиранные пятна. И его тягучий тexasский акцент девушке не понравился. Ни дать, ни взять, маньяк-убийца из южных штатов. Соки уже попятилась, когда мужчина бросил:

– Я еду в Небраску. Линкольн. Ну что, садишься или так и будешь топтаться?

Девушка вздохнула. Если у озера Мичиган свернуть не на запад, к Давенпорту, а на север, к Милуоки (вот черт, опять Милуоки!), то до Рэпид-Сити в холмах останется всего день езды. Больше двух третей дороги. Решительно нахмурившись, Соки нырнула на потерянное пассажирское сиденье рядом с маньяком-убийцей.

* * *

На выезде из города шоссе было перекрыто. Эстакада над головой, по которой обычно проносились грузовики, пустовала, не считая нескольких полицейских джипов. У «рогаток» стояли двое хмурых копов с ID-ридерами. Их машина торчала на обочине, поблескивая от утренней росы.

– Опачки, – округлив рот, выдохнула Соки. – Что, правда, взрыв был?

Водитель покосился на нее и выплюнул жвачку прямо в ветровое стекло. Жвачка, не приклеившись, свалилась на приборную панель. На вопрос он так и не ответил.

Один из копов, высокий, мощный, но уже обрюзгший, махнул им, сделав знак остановиться. На секунду Соки показалось, что ковбой сейчас выжмет газ, и они помчатся вперед, снося кордон. Однако «Форд» послушно притормозил. Полицейский постучал по стеклу.

– Выезд из города ограничен. Разворачивайтесь.

– У меня есть разрешение на выезд, – невозмутимо ответил ковбой.

– Вот как?

Коп широко ухмыльнулся, поднимая сканер. Во рту у него сверкнул золотой зуб. «Парень из латиносовского квартала, – успела подумать Соки, – они там гордятся такими штуками. Наверное, на плече еще осталась татуировка банды. А потом решил остепениться и подался в законники». Черт! Ее вдруг осенило, насколько она попала. Если ковбой соврал, это обман полиции, двести часов общественных работ. Или хуже того... А даже если не соврал, у нее-то разрешения точно нет.

Тем временем ее спутник невозмутимо приложил ладонь к сканеру. Прибор пискнул, забирая пробу ДНК... и мигнул зеленым светодиодом. Соки не видела, что высветилось на экране, но, должно быть, облезлый ковбой оказался важной шишкой. Коп втянул щеки и брюхо и весь подобрался, как пес, услышавший команду хозяина.

– А эта с вами... – куда тише произнес он.

– Моя дочь. Несовершеннолетняя, поэтому мои гражданские права распространяются на нее.

Соки недавно исполнился двадцать один год, и сердце у нее ухнуло прямиком в пятки. Ложь, да еще какая наглая. Во-первых, ковбою, несмотря на потрепанный вид, вряд ли стукнуло сорок. Ну ладно, ее с этими косичками часто принимали за школьницу, а свитер скрывал вполне оформившуюся грудь, но сканер...

– Приложите руку к датчику, – совсем уже вежливо попросил полицейский-латинос, просовывая прибор в окно.

Соки, расширив глаза, отчаянно взглянула на своего самозваного папашу («Вот бы удивился настоящий папочка Кастер», – успела подумать она.) Тот, усмехнувшись уголком рта, чуть заметно кивнул ей. Девушка, набрав в грудь воздуха и незаметно отжав кнопку открывания двери – если что, напрямик в канаву, через изгородь и поле бежать вон к тем складам, – прижала ладонь к холодному пластику. Полицейский взглянул на экран. Соки так и не узнала, что он там увидел, зато заметила, как лампочка снова мигнула зеленью.

– Проезжайте, – сказал коп.

И когда ковбой уже закрывал окно, даже расщедрился на «Счастливого пути». Его напарник оттащил в сторону «рогатку», и машина вырулила на шоссе 90, ведущее на запад, к Олбани, Чикаго и Кливленду.

Соки сидела ни жива ни мертва, прислушиваясь к ровному гудению мотора. За окном проносились склады, поля в прихваченной инеем стерне, огромные разноцветные коробки торговых комплексов. Ковбой смотрел в ветровое стекло, негромко насвистывая. Девушка медленно перевела взгляд на его сложенные трубочкой губы и поблескивающие светлые глаза. «А ведь ему чуть больше тридцати, просто выглядит паршиво, – подумала она. – Тоже мне папаша». Пожевав нижнюю губу, наследница Кричащего Быка спросила:

– Вы кто?

– Федеральный агент, – невозмутимо протянул тот, словно нарочно усиливая акцент. – Гонюсь за очень важным преступником.

Соки захлопала ресницами, а потом вскинула ладони к щекам и расхохоталась.

Причина ее веселья заключалась в следующем.

У папочки Кастера был партнер по бизнесу Гумберт Свенсон, или дядя Гумберт, как Соки заставляли его звать. Дядя Гумберт, с приглаженными редкими волосами, в старомодных очках и с солидным брюшком, дружил не только с папочкой Кастером. Когда папочка Кастер отправлялся в деловые командировки (он вел все дела фирмы в Чикаго, потому что дядя Гумберт страдал расстройством печени и не мог надолго покинуть своего лечащего врача), так вот, когда папаша уезжал, дядя Гумберт зачастую навещался к Майе Кастер. Они любили играть в разные игры в родительской спальне, а Соки любила подглядывать, забравшись в гардероб и оставив маленькую щелку. И очень часто дядя Гумберт изображал федерального агента – в темных очках, с приклеенными черными усами и кожаным дипломатом, в котором наверняка были припрятаны секретные шифры и код запуска тактических ракет. Потом, конечно, дядя Гумберт избавлялся от дипломата, одежды, а порой и от роскошных черных усов – мама Соки частенько отрывала их в порыве страсти. Так что представление о федеральных агентах у Соки сложилось довольно специфическое.

– Врете вы все, – бесцеремонно заявила она. – Как вы это сделали?

– Сделал что?

– Изменили показания ридера. У вас есть для этого прибор, да?

– Прибор у меня точно есть, – заметил ковбой, растянув сухие губы в улыбке.

Соки снова захотелось выскочить из машины.

– Но к несовершеннолетним я его не применяю.

– Мне двадцать один, – буркнула девушка, но тут же зажала себе рот, сообразив, что сморозила лишнее.

Ковбой смотрел на нее, откровенно веселясь.

– Я знаю, Соки Мария Рейнольдс. Дата рождения – двадцать первое июня две тысячи пятнадцатого года, отец – Джек Филипп Кастер, мать – Майя Элизабет Рейнольдс, группа крови четвертая, обучается на третьем курсе государственного колледжа «Моунтэйн Спрингс», специализация – общественные науки, успеваемость... неважная успеваемость.

Соки пялилась на него, отвесив челюсть.

– Откуда?..

- Информация с ридера.
- Но ведь тот коп увидел...
- Увидел кое-что другое.

Ковбой небрежно крутанул руль, выравнивая машину на средней полосе пустого шоссе, и добавил:

- Меня зовут Ричард.
- Ричард?..
- Просто Ричард. Дядя Ричард.

Тут Соки опять нервно захихикала. То папа, то дядя. И вообще, хватит с нее дядь.

– Папа дядя Ричард, – противным голоском пропела она, – может, вы знаете, почему выезд из города перекрыт? И почему на дороге и на улицах так мало машин?

Новоявленный дядя Ричард заломил выгоревшую бровь.

– Ты, детка, хоть иногда новости смотришь?

– Смотрю, – вздернув подбородок, заявила она. – Вот утром на заправке смотрела. Там в «Данкен Донате» большой экран. Только не слышала, что говорит диктор.

Ковбой хмыкнул.

– В городе уже три дня как ввели чрезвычайное положение. Жителям велено сидеть по домам, пока угроза не будет устранена. Самые умные смылись в первые два дня, когда еще не перекрыли дороги. Остальным, думаю, крышка. Хотя через пару дней кордоны сметут, все шоссе встанут. Да и поздно уже будет.

Соки недоверчиво смотрела на него. Крышка? Почему крышка? А как же мама, и папа, и Ба? Тут она вспомнила, что в последние два дня сбросила, наверное, двадцать звонков из дома. Она заперлась в общежитии – подруга оставила ключ от комнаты на лето, а сама еще не вернулась из Детройта. Соки сидела на кровати, завернувшись в плед, обняв колени, и думала о Парне из Милуоки, и о Джиме, и о том, что Джим вполне может пристрелить Парня из Милуоки, и, вообще, надо все это как-то решать. Не слушала новостей. Не отвечала на звонки Ба и матери – те даже не знали, где она. Соки и до этого часто уходила из дома, но почему-то раньше родню это не беспокоило. Значит, и вправду что-то случилось.

Дернувшись на сиденье, она потянула пряжку ремня безопасности.

– Разворачивайтесь.

Ковбой невозмутимо пожал плечами.

– Держи карман шире.

– Тогда остановитесь. Выпустите меня. Я поеду обратно.

На плечо ей легла жесткая ладонь. Пальцы сжались, причиняя боль. Светлые блестящие глаза в красных прожилках усталости оказались вдруг совсем близко («Он же не смотрит на дорогу, вообще не смотрит!») – истерически метнулось в голове), и голос с южным акцентом отдельно произнес:

– Детка, я очень редко делаю добрые дела. Но это дело – доброе. Конечно, я поступил бы добрей, прикончив рыжую суку, но она с ребенком. И я не смог. Не смог.

Соки сжалась, стараясь скрыть дрожь, но как скроешь, когда рука сумасшедшего впи-лась ей в плечо?

– Я долго думал, что это за хрень, я не понимал, зачем их убивать. Но все из-за рыжей сучки. Я должен был прикончить ее. Я родился для этого. Жил для этого. И не сумел. Надо было верить до конца, но я не сумел. Просрал свой шанс оправдаться перед Господом. А она выпустила на волю чудовищ.

«Помогите!» – гремело в голове Соки, но девушка только и могла замороженно смотреть на своего мучителя, хлопая длинными ресницами.

– И вот теперь мне надо сматываться. Рвать когти. В остальных штатах еще не подняли тревогу. Если та тварь заявила на меня в полицию, у них еще есть время побегать за мной,

пока не начнут бегать от ее чудовищ. Я могу обмануть сканеры, но не глаза. Если они составили фоторобот... Мне нужно, чтобы меня не искали. Папашу с дочкой никто не ищет, ясно тебе? И я спасу твою шкуру. Хоть что-то. Хотя бы что-то...

Ковбой убрал руку, замолчал и наконец-то устался на дорогу. Наверное, все же в «Форде» был автопилот, потому что они пока оставались живы. Машина неслась по прямой, как стрела, трассе, делая по меньшей мере девяносто миль в час. «Если выскочу сейчас, разобьюсь», – подумала Соки. Девушка сидела, проклиная себя за то, что не доверилась первому впечатлению. Все-таки он маньяк. Обидно. До слез.

Но с маньяками надо разговаривать. Это любой знает. Надо расспрашивать их и рассказать о себе как можно больше, и тогда...

– О ком вы говорили? – тихо спросила Соки.

Вместо ответа ковбой провел пальцем по сенсорной панели, включая встроенное тиви.

«...манта Морган, – сказал диктор с экрана, – подозреваемая в убийстве офицера полиции Дианы Виндсайд и следователя нью-йоркского отдела убийств Роберта Стингала, бежала из города, выпустив из лаборатории опасных подопытных животных. Всем жителям просьба оставаться в своих домах, закрыть окна и двери и не выходить на улицу, пока опасность биологического заражения не будет устранена. Жители районов, прилегающих к...»

Внизу экрана бежала красная строка с полицейским предупреждением. В следующую секунду картинка из студии сменилась фотографией красивой рыжеволосой женщины лет тридцати – тридцати пяти в белом лабораторном халате. Соки привычно прижала ладони к щекам. «Рыжая сука». Это она? Она? Значит, ковбой Ричард не бредит или не совсем бредит? Может, он действительно федеральный агент, которому поручили устранить преступницу? Это объяснило бы фокус с ридером, но при чем тогда фоторобот? Или он работает под прикрытием?

Додумать девушка не успела, потому что машина, дернувшись, резко вильнула. Соки больно стукнулась плечом о стекло и обернулась. На обочине валялся сбитый ими пес. Черная кровь растеклась по рыжеватой шерсти колли, но собака, уже умирая, все ползла за машиной, оскалив измаранную пеной и кровью пасть. Соки вздрогнула и отвернулась. Ричард тихо выругался. «Форд» продолжал нестись на запад, с ревом накручивая милю за милей и уже приближаясь к границе Массачусетс–Коннектикут.

Глава 2

Кресты в небе

К полудню распогодилось, и солнце ярко заблестело на мокром дорожном покрытии и на крышах белых и краснокирпичных городков, мимо которых они проносились. На границе между штатами их снова ждал блокпост. Здесь машин уже было больше – и легковушки, и грузовики, и междугородные автобусы, и трейлеры. Пришлось долго ждать своей очереди. Дорогу перегородила не полиция, а армейские части в пятнистых комбинезонах. Солдаты с собаками ходили между машинами. Люди, высунувшись из окон, переговаривались и пытались расспросить солдат, но те упрямо молчали. Молчали и их псы.

Ричард, не участвуя в общем гаме и расспросах, вытащил из нагрудного кармана пачку сигарет и закурил. В салоне завоняло крепким табаком. «"Мальборо", как и полагается настоящему ковбой», – зло подумала Соки. Она протянула руку, оскалив зубы в нахальной улыбке. Псих Ричард равнодушно вытряхнул сигарету из пачки ей на ладонь и щелкнул зажигалкой. Жесткий дым продрал горло. Соки закашлялась и высунулась в окно, с хрипом втянув пропитанный парами бензина и метана воздух.

У блокпоста, кроме солдат, стоял армейский медик. На лице его была голубая тканевая маска – в школе Соки такие носили заболевшие гриппом ученики. По приказу бритоголового сержанта пришлось выйти из машины. Военные обыскали салон и багажник, а медик подошел к Ричарду и Соки.

– Откуда едете?

Прежде чем девушка успела открыть рот, ковбой хрипло буркнул:

– Сауфбридж. Что у вас тут за бардак?

Медик пожал плечами и зачем-то посветил в глаза Ричарду фонариком.

– У вас были в последние дни контакты с животными?

– Половые? – немедленно брякнул ее псих.

– Ха-ха, – деревянно ответил врач. – Очень смешно. Вас кусали? Жалили? Вы гладили или кормили животное с рук?

– Только ее, – продолжал забавляться ковбой, дернув головой в сторону Соки.

«Чтоб тебе лопнуть, приколист хренов», – мысленно пожелала она. Медик топтался на месте, словно не зная, что делает, – как первокурсник, впервые попавший в комнату женской общаги и неловко дергающий молнию на брюках. «Они тоже ничего не знают?»

– Пропускайте! – устало крикнул врач, обернувшись к солдатам.

И их пропустили. Дальше поехали в сплошном потоке машин, то и дело попадая в пробки на мостах и развязках.

В десяти милях от границы штата Ричард наконец-то разрешил Соки достать из рюкзака комм и набрать номер Ба. Звонок сорвался. Мама. Снова не прошел.

– Военные глушат, – со спокойствием черепахи заявил ковбой. – Никому не хочется, чтобы люди звонили родне в других городах и поднимали панику.

Соки зло швырнула комм на кожаное сиденье и воззрилась на Ричарда.

– Да что там такое? Что за чудовища?

Псих улыбнулся половиной рта, как будто его разбил инсульт.

– В основном крысы. Еноты. Белки. Собаки опасней, но их меньше. Так что я голосую за крыс.

– Ты издеваешься?

Соки понимала, что так с маньяками не разговаривают, но терпением она пошла в Ба. То есть никакого терпения у нее отродясь не было.

– Просто делаю выводы из того, что видел, – полицейская хроника, армейские каналы. Звери взбесились и нападают на людей.

Соки мотнула головой и нерешительно хихикнула.

– Но это глупо. Что могут сделать крысы, даже бешеные?

– Проблема, – холодно ответил ковбой, – не в крысах.

Больше он ничего сказать не успел, потому что над забитым машинами восемьдесят четвертым шоссе низко прошли три военных вертолета. Соки видела, как солнце блестит на дверцах и на стекле кабин.

– Началось, – прошипел Ричард и вытряхнул из пачки последнюю сигарету.

– Что началось, что?

Когда ковбой не ответил, Соки впиалась пальцами в плечо его старой замшевой куртки и основательно трянула. Мужик отмахнулся от нее, как от прилипчивой мухи, и завертел головой.

– Что ты ищешь?

– Съезд.

– Но нам прямо.

Не говоря ни слова, ковбой вздернул подбородок, указывая на шоссе впереди. Поток машин не двигался. Большая часть надрывно сигналила – это напоминало вопли издыхающих животных. «Слоны, пришедшие умирать на свое слоновье кладбище», – подумала Соки. Над слоновьими спинами автобусов и грузовиков струилась дымка разогретого воздуха. Тучи расчистились, и в бледно-голубом небе над этой дымкой упрямо кружили армейские вертушки.

– Все, – сухо сказал ковбой и свернул прямо на обочину.

Они проехали ярдов двести, прежде чем наткнулись на грунтовку, уводящую в поля. Ричард полез в карман, вытащил наладонник и сверился с картой.

– Через две мили к югу должно быть триста восемьдесят четвертое шоссе. Оно двухполосное, но не федеральное. Значит, пробок пока нет. Попробуем пробиться туда.

Соки с опаской смотрела на поле. Пшеница здесь еще не была убрана, и от ветра по ней пробегали медленные волны – словно кто-то бродил там, на поле, раздвигая колоски. Кто-то или что-то... тьфу. Неужели ее так напугали рассказы про бешеных крыс и сбита собака? Смешно. Да. И солдаты на дороге. И обрывающаяся связь. И врач с дурацким фонариком. И ведущий машину убийца-психопат. Смешно до слез.

* * *

Они остановились перекусить за Хартфордом. День уже клонился к закату. На белой табличке при въезде в городишко Соки прочла название: «Фармингтон». До федерального шоссе было не больше пяти миль, но здесь как будто не слышали ни о какой катастрофе. Ричард медленно вел машину по центральной улице, и Соки невольно вертела головой. Выкрашенные белой краской дома. Аккуратные заборчики. Старые яблони и канадские клены. Закатные лучи золотили высокий белый шпиль церкви. В воздухе кружились пылинки, и листва кленов только-только начала подергиваться осенней ржавчиной. Здесь пахло карамелью и яблоками, и Соки вдруг нестерпимо захотелось блинчиков с кленовым сиропом, вроде тех, что пекла Ба.

Они зашли пообедать в кафешку напротив церкви, и надо же – в меню оказались те самые блинчики! Соки придвинула пластиковый стул к столу, намереваясь наконец-то основательно расспросить своего спутника. Тот, кажется, успокоился, по крайней мере, бредить и орать о рыжей суке перестал, а жадно ел ростбиф с картошкой айдахо, то и дело поглядывая в окно. Соки тоже оглянулась через плечо. Церковь как церковь. У них рядом с домом стояла

почти такая же, только никто из семьи туда не ходил, кроме мужа Ба. Но он не был дедом Соки и указывать ей не мог. Ее дед – шаман, значит, ей полагается верить в Великого Ворона, в Бизонью Женщину – в общем, в Вакан Танка, а вовсе не в Христа. Парню из Милуоки нравились именно ее индейские штучки, маленькие амулетики на кожаных шнурах, висевшие на шее, и вплетенный в волосы бисер...

Но псих Ричард говорил что-то про шанс оправдаться перед Господом. Значит, он христианин?

– Хочешь зайти туда? – промычала Соки сквозь блинчик во рту и ткнула вилкой в следующий. – Там сейчас должна начаться вечерняя служба... кажется. Ты можешь поговорить с Господом насчет той рыжей...

– Заткнись.

Соки выронила вилку и, крутанувшись на стуле, уставилась туда, куда с самым недобрым выражением смотрел Ричард.

Церковь была довольно большая для такого городка – колокольня в три этажа с высоким шпилем и белое двухэтажное здание самого храма под темной двускатной крышей. Над крышей кружились чайки. К чайкам Соки привыкла, хотя в Бостоне они были откормленные, наглые, морские. Чайки устраивались на фонарном столбе напротив их дома и орала по утрам так, что хоть святых выноси. А эти мелкие, речные или озерные, с четкими черными треугольниками на кончиках крыльев. Некоторые из них опускались на крышу, но потом снова взмывали вверх, как будто стерегли косяк рыбы.

– Чего ты на них так уставился? – мрачно спросила девушка. – Тут, наверное, свалка рядом. Сейчас покружат и кормиться полетят. У нас всегда чайки по вечерам на свалке тусовались, жрали всякую дрянь...

Двери церкви растворились. Оттуда донеслись последние звуки госпела, а затем начали парами выходить прихожане. Значит, Соки ошиблась – служба уже кончилась. Это было забавно, как путешествие в позапрошлый век: пастор с белым воротничком и осанистые мужчины и женщины, идущие под ручку, ведущие детей... В церковь мужа Ба, кроме него, ходили в основном толстые черные тетки, отчего Герберт Вачински очень страдал. От теток разило потом, и они пели черный госпел, и плясали, оскорбляя религиозные чувства мистера Вачински. А эти казались такими тихими, степенными...

Чайки заорали. Так, наверное, они орала в океанских колониях на вершинах скал, заведя грабителя гнезд – ястреба. А затем вся стая, взметнувшись над площадью грязно-белой волной с черными пятнами на гребне, рухнула вниз, словно углядев в воде долгожданную рыбу. Соки, открыв рот, смотрела, как эта волна растекается ручьями, вскипая водоворотами там, где люди пытались сопротивляться или бежать. Толстая тетка отбивалась сумкой. Мужчина в черной шляпе полз под машину, а чайки плотным комком сидели у него на спине. То одна, то другая птица вырывалась из общего клубка, унося в клюве что-то вроде маленьких красных рыбок. Это было настолько бредово, что казалось почти смешным, как в немом кино, не считая того, что чайки надсадно орала, а люди вопили от боли и ужаса.

Соки очнулась только тогда, когда какой-то облепленный птицами человек с разинутым ртом на бегу врезался в витрину, не больше чем в пяти дюймах от ее лица. Чайки вились вокруг его головы и долбили клювами. От этого лицо человека покрывалось красными ямками, а на месте глаз были два бордовых пятна.

– АААААААА! – взвыла Соки.

Ковбой Ричард очень быстро перемахнул через стол и захлопнул стеклянную дверь. Развернувшись к официантке – та так и застыла с кофейником в руке, из носика на пол лилась коричневая струя, – он прокричал:

– Тут есть задняя дверь?

Женщина повернулась, как манекен, и махнула кофейником куда-то за барную стойку, расплескивая остатки кофе.

Ковбой схватил Соки за руку и потащил к черному ходу. И очень вовремя, потому что за спиной раздался звон разбитого стекла – это колотившиеся в витрину люди наконец-то прорвались внутрь, внося с собой облако закатного света, и перьев, и крики, и бьющихся остервеневших птиц.

* * *

Вечер навалился на землю, как подушка на голову, когда не хочешь слышать перебранку в соседней комнате. Соки сидела, дыша в окно и стараясь надышать на нем пятно, но снаружи было недостаточно холодно. Мимо неслись темные перелески, поля, рубиновые и золотые вывески мотелей, спящие города. Соки понимала, что после событий в Фармингтоне должна поверить психу-ковбою, но так уж у нее были устроены мозги – чем плачевней ситуация, тем меньше в нее верилось. Поэтому бешеные птицы отошли куда-то в разряд страшного кино вроде Джима, размахивающего пистолетом, и оглушительных родительских ссор, и всяких других неприятностей. Просто не хотелось ни о чем думать. Смотреть, как разматывается за окном машины ночь. Слушать рев мотора. Дышать запахом бензина, кожи и старого курува. Она просидела бы так до утра, если бы машину не начало уводить к обочине.

Соки быстро оглянулась. Ковбой задремал, уронив голову на грудь. Сейчас он не казался опасным, как на заправке, или решительным и профессиональным, как днем, когда убегали от птиц, – только усталым. В салоне «Форда» свет был выключен, и лицо Ричарда все состояло из пятен: черные глазницы и провал рта, белые щеки и нос. Тяжелая рука на руле, подрагивая, поехала вбок... Соки перехватила руль, выравнивая машину, и ковбой, вздрогнув, проснулся.

– Я могу повести, – угрюмо предложила девушка. – Или хотя бы автопилот включи.

Тот лишь оскалил крупные желтые зубы в ответ.

– Тогда давай заночуем.

Ричард поглядел на нее, как на мешок с мусором.

– Я просчитался, – наконец-то процедил он. – Видела, что творилось на границе? Я думал, у нас есть в запасе еще пара дней.

– У нас есть в запасе еще пара минут, а потом ты врежешься в дерево.

Ковбой прищурился.

– Ты когда-нибудь видела паникующую толпу?

– Да.

Это было на первом курсе. Тогдашний парень Соки, Антон, очень сознательный студент-старшекурсник, потащил подружку на демонстрацию за равные права андроидов и деклассированных. Демонстрацию разгоняли отряды «Хаук», личной гвардии Бессмертных. Видимо, «иммортели» решили, что не стоит солдатам сидеть без дела, пора и поразмяться. Соки тогда расквасила нос и вывихнула плечо. Антона так и не нашли среди трех сотен трупов. Кровь с брусчатки перед университетом смывали на следующее утро поливальные машины. Да, она кое-что видела.

– Ничего ты не видела, – сказал, будто сплюнул, Ричард. – Ладно, заночуем в следующем мотеле.